

05
16419

ВОРОЖЬ

№ 1.

ЦІЬНА 10 КОП.

СКАЗКА.

За тридевять земель, в тридесятом царствѣ, не в нашем государствѣ, жил-был царь.

Царь был добрый, но, как всегда полагается, совѣтники всѣ у него были недобрые, своекорыстные, властолюбивые.

Они постоянно враждовали друг с другом, добивались все большей власти, угодничали перед царем, восхваляли его мудрость, справедливость всѣх его распоряженій, превозносили его славу.

А сами потихоньку обдѣлывали свои мелкія и крупныя дѣлишки и забрали всю власть над страной.

Народ изнывал под властью вельмож-бояр, но подѣлать с ними ничего не мог.

И рѣшил народ свернуть их. Он догадывался, что царь не знает ничего совсѣм об их злосчастном житьѣ-бытьѣ; он был увѣрен, что если бы царь узнал про их нужды, он немедленно бы удовлетворил их.

И посылал народ прошенія царю, да злые вороги народные, вельможи-бояре, перехватывали эти прошенія.

И посылал народ своих выборных к царю, чтобы лично доложить ему о своих худобишках. А злые вороги народные, вельможи-бояре, поняли, что если до царя дойдет правда, то не одобровать им.

А поняв это, они рѣшили дѣйствовать.

Донесли они царю, что народ идет к нему с злым намѣреньем, что лишитъ-де тебя, царя-батюшку, твоей власти государственной, подѣлитъ меж собой землю поровну. Ты не вѣрь-де им, твоим врагам, а повѣрь ты нам, вѣрным подданным.

Испугался царь, не велѣл никого допускать к нему, а вельможи пусть сами переговорят с народом.

Вельможи поусердствовали и приняли посланных от народа с честью, с салютом из ружей.

От личного доклада царю жизнь нѣскольких тысяч подданных его сразу измѣнилась к лучшему: перестали они голодать и холодать, бросили свои жалкія лачуги и поселились там, идѣ же нѣсть болѣзней, печалей, ни воздыханія.

Но жизнь других ничуть ни улучшилась, только понял теперь народ, что ничего не добьется он просьбами.

И поднялся он, как один человек, не с пустыми руками теперь, а с дреколѣем и оружіем. Хоть и темен был народ в том царствѣ, да спасибо добрым людям: научили они его уму-разуму, разъяснили ему, что вельможи обязаны дать ему возможность жить лучше, не умирать с голоду, да с холоду, без больниц, без докторов, быть темным, безправным быдлом.

Разъяснили ему, что тогда только народ будет жить хорошо, когда не вельможи одни, его злые вороги, будут управлять им, обирать его, а сам народ со своим царем-батюшкой будут издавать законы для себя, облагать податью.

И поднялся народ.

Испугались вельможи, бояре знатные. Не хочется им лишиться своей могучей власти, не хочется разставаться с насижеными мѣстами да богатыми окладами.

И внушили они царю-батюшкѣ, что это все бунтует небольшая кучка, а не весь народ; что народ идет только по почину этих бунтарей; что бунтарей этих ничѣмнеудовлѣворишь. Вот только бы расправиться с этими бунтарями, тогда и весь народ успокоится; правда, народу мало земли, вот он и недоволен, но это ничего.

— Не вели казнить, вели слово вымолвить,—говорит один из бояр его.—Одѣли землей ты народ честной; у тебя вѣдь есть много лѣсу, болот; а за землю возьми ты выкуп небольшой, да разсрочь ты его на сто двадцать лѣт. И народ тогда будет предан тебѣ, не послушает он твоих врагов, перебьет он сам бунтарей лихих, и настанет у нас снова тишь да гладь!

Послушал царь умнаго, но хитраго совѣта; рѣшил надѣлать народ из своихъ государственныхъ многочисленныхъ

имѣній; правда, не задаром, а за крупную сумму, большую стоимость земли, но только с разсрочкой на сто двадцать лѣт.

Но удивительно упрям и глуп оказался народ в том царствѣ: он ничуть не успокоился, не перебил бунтарей, а продолжал все требовать сверженія вельмож-бояр и просил власти вмѣстѣ с царем.

Вот как было за тридевять земель, в тридесятом царствѣ, не в нашем государствѣ.

Бомба.

Скорѣй.

Терпѣнья не стало!.. И русскій народъ
Не хочетъ нести безусловно
Цѣпей ненавистнаго рабства, невзгодъ,—
И вотъ онъ встаетъ поголовно.

* * *

Встаетъ для защиты дѣтей своихъ, женъ,
Въ защиту свободы желанной,—
И пусть казаками вездѣ окружень,
Онъ биться готовъ неустанно...

* * *

...Теперь, что ни день, намъ газеты несутъ
Ужасныя грустныя вѣсти:
Драгуны, казаки пощады не даютъ,
Исполнены яростной мести.

* * *

По селамъ нищаютъ... всѣхъ давить нужда...
Фабричный безъ средствъ остается,
Въ такое горячее время, когда
За жизнь и свободу онъ бьется.

* * *

Товарищи!.. Помощь, поддержка нужна,
Тамъ голодъ, тамъ терпятъ невзгону,—
Не будемъ же скупы... скорѣе должны
Помочь мы родному народу!..

— Слушай, раз ты обѣщал сдѣлать для меня что-нибудь, то неправда-ли, ты обязан исполнить свое обѣщаніе?

— Ну, теперь, друг мой, не так: обѣщать-то я тебѣ и пообѣщаю, если ты пристанешь, как с ножом к горлу, а немного ты успокоишься от этого обѣщанія, обѣщаніе-то можно и назад взять.

НАШЕМУ ЖУРНАЛИСТУ.

„Гапон в Россію возвратился!
Хватайте, милые, его!
Хотя он сильно измѣнился,
Узнать не стоит ничего:
„Из смушек шанка небольшая,
Доха прекрасная на нем,
Бородка малая-такая,
Сверкает острый взгляд огнем“.
С таким призывом обратился
Суворин къ сотнѣ, и за-то
Тотчас же он преобразился
В песочно-желтое пальто.

Лохматый.

— Что вы думаете о временных правилах от 24 ноября?

— Думаю, что они опять рѣшили наложить на печать печать молчанія.

Мы.

Изъ хрестоматіи.

Русскія долины
Всѣ горятъ въ огнѣ;
Бѣдныя деревни
Дремлютъ въ тяжкомъ снѣ...
Мрачно въ нихъ, убого...
Мертвецы.. Кресты...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.

Мы.

— Ну, мужичек, тебѣ теперь печалиться нечего: манифестомъ выкупные платежи отмѣнены.

— Слава тебѣ, Господи! Землицы бы еще вот!

— И земля будет. Купитъ вамъ банкъ землю, а деньги за нее вы будете вносить в течение пятидесяти-шестидесяти лѣтъ в банкъ.

— Что-то не пойму я тебя: то говоришь— выкупные платежи отмѣнены то за землю опять придется платить выкупные. Чепуха какая-то!

Я.

МАЛЕНЬКІЯ ПИСЬМА.

Не понимаю, чего только волнуются эти наши, простите за выраженіе, ревалюціонеры?! кричат, перевернуть вверх дном все государство хотят. Лѣзут на штыки, подставляют свои упрямые башки под пушки, пулеметы, ружья. Вот, по истинѣ, упрямство, достойное лучшей доли.

Да из-за чего главным образомъ они, эти революціонеры, волнуются, из-за чего лѣзут на стѣну?! Ну, предположим, тебѣ скверно жить: и работаешь ты двадцать пять часов в сутки, и за этот нѣсколько продолжительный труд получаешь гроши, и правовое твое положеніе отчасти неудовлетворительно. Хорошо, начальство это видит и с удовольствіем придет тебѣ на помощь: и полчаса или даже цѣлый час сбросит в работѣ, и процента два накинет на заработную плату, и побѣщаетъ улучшить твое правовое положеніе.

Только зачѣмъ же волноваться? Революціонеры говорят, что только волненіями, забастовками они «вырвали» нѣкоторыя улучшенія, нѣкоторыя обѣщанія. Смотрите пожалуйста, какіе силачи выискались!

Врете вы, господа революціонеры, не вырвали вы у начальства ничего, а все «даровано» было им. А потом, какіе эти революціонеры нетерпѣливые! Не могли потерпѣть еще немного, и все было бы даровано им безо всяких забастовок, волненій. Обо всѣх их нуждах само начальство давно уже позаботилось: всюду были организованы всевозможныя коммисіи для выработки новых правил.

Возьмите хоть тѣ же экономическія требованія Ростовскаго полка: всѣ они были предвидѣны начальством; оно так

чутко прислушивалось к нуждам солдат и так зорко слѣдило за их бытом, что само заранѣе выработало тѣ всѣ экономическія требованія, какія могли только предъявляться солдатами. И что же? всѣ их требованія были удовлетворены; улучшенія были бы произведены и так, со временем только, а солдаты не подождали и взбунтовались. И этим оскорбили только командующаго полком. Развѣ начальство не печется о своих подчиненных? вѣдь всегда начальство оказываетъ милости.

И всюду так. О чем только заикнется народ, все сейчас же даруется ему или обѣщается. А потому что все это уже заранѣе было предусмотрено начальством. Забастовали почтово-телеграфныя служащіе—оказывается, начальство уже рѣшило улучшить их положеніе. Требуют государственной думы с правами законодательными и со всеобщим голосованіем—оказывается, об этом уже давно поднят вопрос самим правительством.

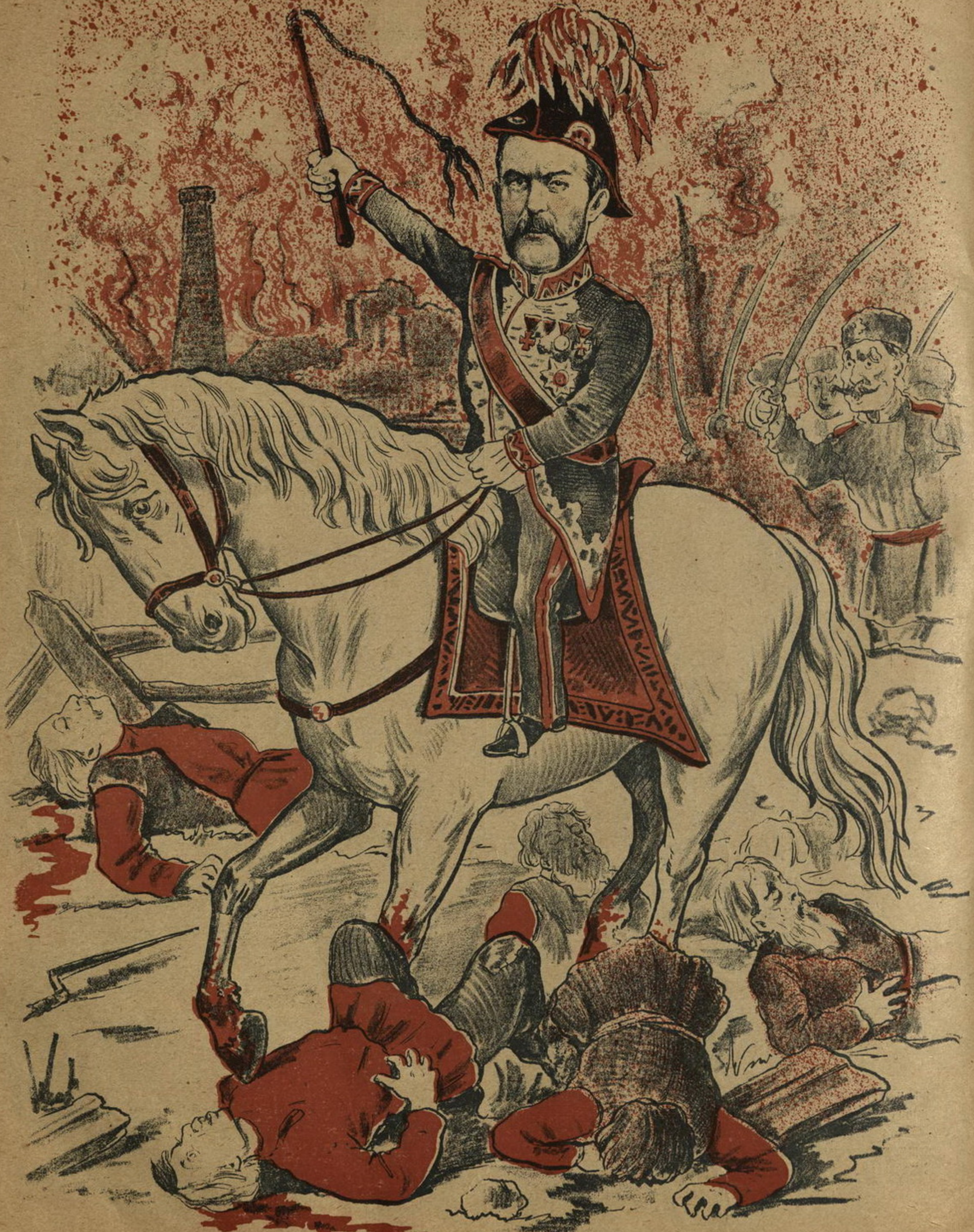
Зачѣмъ же тогда забастовки? Онѣ потрясают государственный организм. А без забастовок начальство и так даровало бы свои милости. Только слѣдовало бы подождать нѣсколько... ну, так, два-три поколѣнія. Не больше.

П. О. Д. Суворин .

Настоящаго самодержавія у нас давно уже нѣтъ, потому что еще императоръ Николай I истинными самодержцами Россіи называлъ разныхъ *dji minores*.

Я.

Рыцарь безъ страха и упрека

Суть подьдиши!!!

**Бѣгство за границу бюрократовъ
съ російскими капиталами.**

— Эй, милые, перепрыгивайте скорѣй, а поклажу-то задержать придется!..

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Берлин, 9 (22) декабря. Сегодня прибылъ вагонъ съ очень цѣннымъ имуществомъ, спасаемымъ отъ грандіознаго пожара, охватившаго всю Россію. Вагонъ этотъ не первый и далеко не послѣдній. Шлите побольше — мы сбережемъ.

ПО ТЕЛЕФОНУ.

Из вполне достовѣрныхъ источниковъ передаютъ, что генерал-майоръ Дедюлинъ оказался, по освидѣтельствованіи, законнымъ сыномъ и правопріемникомъ Тренова по своей дѣятельности: онъ такъ же, какъ и недоброй памяти авторъ извѣстнаго изреченія: „Патроновъ не жалѣть“, принимаетъ самыя строгія мѣры противъ публичныхъ собраній и митинговъ. (Собств. кор.)

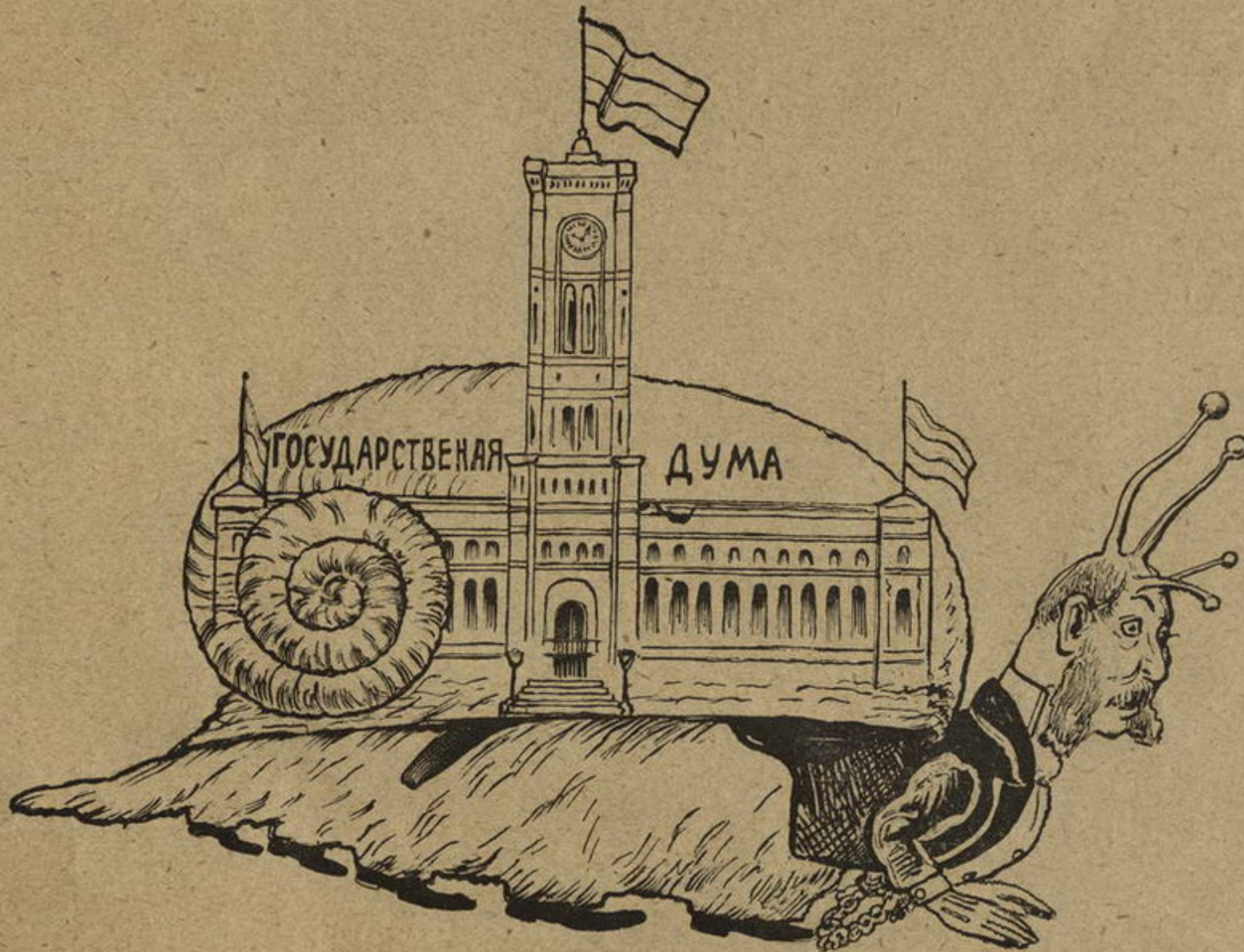
Что ты спишь, мужичок?
Уж проснуться пора:
Вѣдь, всѣ братья твои
Поднялися давно.

Встань, очнись, распрямись,
Да вокругъ погляди:
На кого ты похож
И что есть у тебя?

Нѣтъ земли ничего
На всю семью твою
И хозяйство твое
Пошатнулось давно.

Коровенку за долгъ
К себѣ баринъ увелъ,
И дѣтишкамъ своимъ
Молочка уж не дашь.

Лошадь сам ты продалъ,
Уплатить чтобъ оброкъ;
Какъ же будешь теперь
Ты работать безъ ней?

ПОСЛОВИЦЫ.

1. Кто пороть горазд, тому не пронасть.
2. С нагайки начинай, штыкомъ кончай.
3. Безъ нагайки ни до порога, а с нагайкой хоть крестьянъ успокаивать.
4. У двухъ правительствъ народъ безъ глаза.
5. Всѣ под нагайкой ходимъ.
6. Кто Бога не боится, тотъ и в своихъ братьевъ стрѣляетъ.
7. Богъ на небѣ, флигель-адъютанты на землѣ.
8. Хозяинъ труды любитъ.
9. Свобода—мать пороковъ.
10. Свободное слово до тюрьмы доведетъ.

Осколокъ отъ бомбы.

А священникъ твердитъ:
«Это Богъ наказал!»
Но послѣдній, вѣдь, грошъ
С тебя самъ онъ забралъ.

Прижимаетъ тебя
Добрый земскій-отецъ,
И совсѣмъ ты в рукахъ
Мужика-кулака.

Сыновей же твоихъ
Обучаютъ стрѣлять,
Чтобъ тебя же потомъ
Было къмъ усмирять.

Ну, вставай же, мужик!
Просыпаться пора,
Сдернуть пелену съ глазъ
И ожить всѣмъ заразъ!

Будетъ гнуться в дугу!
Требуй воли себѣ
И земли и всѣхъ правъ!
Покажись-ка врагу!

Версификатор.

На лужайкѣ.

Село Голодное расположено двумя порядками, сходящимися под углом. В этом углу была большая, окруженная ракетами, лужайка. Здѣсь, на лужайкѣ, не было совсѣм никаких домов; как будто лужайка была специально предназначена для игр.

И дѣйствительно, лѣтом, лишь только кончался тяжелый трудовой день, лужайка оглашалась смѣхом и весельем.

Едва успѣвъ перехватить дома кусок хлѣба или поѣвъ шей с кашей, парни и дѣвки собирались на лужайкѣ, пѣли пѣсни, водили хороводы.

Смѣх и пѣсни не прекращались тут далеко за полночь, чуть ли не до солнечнаго восхода, когда прогулявшіе всю ночь парни и дѣвки должны были снова приниматься за обычную работу, не отдохнув почти совсѣм.

Но от этого веселье на лужайкѣ ничуть не теряло своего характера.

Сколько пар слюбились, сговорились на этой лужайкѣ и потом с любовью вспоминали про нее, шествуя дружно вдвоемъ по трудному жизненному пути.

И днем не бывала свободна лужайка.

Только публика на ней была другая: дѣти всѣх возрастов цѣлый день до вечера наполняли ее своими криками, играми и бѣготней.

И никто не запрещал им играть на лужайкѣ, никто не вмѣшивался в их игры.

Так тихо и мирно жила лужайка...

...У крестьян села, прилегавшаго к лужайкѣ, вышло недоразумѣніе с окрестным помѣщиком. Недоразумѣніе из-за земли и недоразумѣніе довольно крупное.

Помѣщик был тоже довольно крупный, вліятельный, и в результатѣ на лужайкѣ стояли два взвода казаков.]

Прямо против казаков были выстроены крестьяне-взбунтовавшагося села. Между казаками и крестьянами дрожавшія мѣстныя власти и мѣстный диктатор-генерал. За деревьями испуганныя лица баб и дѣвушек.

— Семен Иванов!—выкрикивал по списку урядник.

Семен Иванов выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

— Игнат Зайцев!—выкрикивал урядник.

Игнат Зайцев выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

— Петр Лаптев!—выкрикивал урядник.

Петр Лаптев, пятидесяти слишком лѣтній старик, выходил, кланялся начальству, спускал невыразимыя и получал должное.

А бабы, дѣвки, ребята со страхом и ужасом смотрѣли, как пороли их отцов, дѣдов, сыновей, братьев. И горькія слезы струились по их лицам...

...Уѣхали казаки, уѣхал диктатор, уѣхало начальство...

...Через недѣлю-двѣ жизнь опять вошла в свою обычную колею. Трудились цѣлыми днями, голодали, холодали. Ничего не измѣнилось в жизни крестьян.

Измѣнилась только лужайка: нѣтъ на ней смѣха, веселья взрослой молодежи по вечерам.

Дѣти боятся и заглядывать на нее, а молодежь, когда приходится проходить по лужайкѣ, плюет и крестится, ускоряя шаги.

Только ракиты печально покачивают своими вѣтвями.

Проклятая лужайка!!

Да еще у мужиков лица сдѣлались задумчивѣе, хмурѣе.

Третій.

— Неужели и теперь не будет дано земли крестьянам?

— А что?

— Да развѣ вы не слышите, как кричат о ней крестьяне Саратовской, Тамбовской и Черниговской губерній? Неужели и эти крики не будут услышаны?

Мы.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

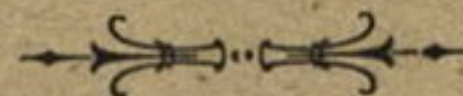
Среди всеобщаго смятенья,
Вражды, безправія и смут
Грѣшно таятъ души волненья,
Терпѣть несправедливый суд.

Довольно крови и насилья!
Одѣлась в траур вся страна
И опустила робко крылья,
Недоумѣнія полна...

Но близок час... Пылая мщеньем,
Как лава, кинется она,
И все сметет с ожесточеньем
Ея могучая волна...

Пусть будет так! Не будь печален,
Повѣрь великим именам,
Что на камнях святых развалин
Народ воздвигнет лучший храм...

И знамя водрузит свободы,
Как символ правды наших дней,
Среди ликующей природы
Освобожденный Прометей!..

— А Дурново-то, говорят,
Не брезгует и малыми кушами?

— Ну, Александр Стахович, вѣдь, его
Прекрасно кормит кукишами.

Брызга.

— Как можно сдѣлать призыв к насилію и не попасть за это на скамью подсудимых?

— Это можно сдѣлать косвенным путем—заявить всеуслышаніе, что, если будет произведено насиліе, ты не будешь в состояніи оказать своевременное содѣйствіе к водворенію порядка.

— Ты-то что это вздумал идти в добровольцы на почту?

— Да надо потрудиться на пользу отечества, а то не кому разносить подметныя письма нашей черной сотни.

Сам.

„У каждаго крестьянина
 Душа, что туча темная:
 Гнѣвна, грозна... и надо-бы—

Громамъ гремѣть оттудова,
 Кровавимъ лить дождямъ...“

(Некрасовъ).